

ГОЛОСЪ МИНУВШАГО

1920 г. ————— 1921 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	<i>Стр.</i>
I. Редакция. Памяти В. Г. Короленко	3
II. Зн. Короленко. История моего современника	5
III. Лев Дейч. Южные бунтари	44
IV. М. Р. Попов. К истории рабочего движения в конце семидесятых годов	72
V. Анри Рошфора. Вера Засулич и народовольцы	85
VI. С. Мельгунов. Встречи. I. Г. А. Лопатин	94
VII. Е. А. Шаховская. Дневник и письма 1826—27 г.	98
VIII. М. Цявловский. Письма А. С. Пушкина	119
IX. М. Цявловский. Письма Ф. М. Достоевского	123
X. А. Ильинский. Новые материалы о М. Бакунина	128
XI. В. А. Розенберг. Перед свежей могилой (памяти В. Г. Короленко)	150
XII. Памяти ушедших. — Н. И. Кареев, И. В. Лучицкий — И. С. Попов, Л. М. Лопатин. — А. Елизветтер, А. С. Ланно- Давыдовский	154
XIII. Мемуары Вятте	163
XIV. Портрет В. Г. Короленко	

Вера Засулич и народовольцы в воспоминаниях Анри Рошфора.

Покойный французский публицист Анри Рошфор оставил после себя очень интересные воспоминания, опубликованные под заглавием: „Приключения моей жизни“ (Les aventures de ma vie). (Некоторые отрывки из этих воспоминаний были переведены уже в „Голосе Минувшего“). В 4-м томе их он рассказывает о своем пребывании в Женеве после побега с каторги, куда он был сослан, как участник Парижской Коммуны 1871 года, и о своих встречах с русскими революционерами 70-х годов. Приводим ниже те две главы 4-го тома „Приключений“, где Рошфор вспоминает о Вере Засулич и о народовольцах.

1.

Вера Засулич.

О встрече своей с Верой Засулич в Женеве Рошфор пишет: „Возвратившись, однажды вечером, домой, на бульвар Пленпале (Plainpaleis), я нашел у себя на столе таинственную телеграмму, отправленную из Берлина, следующего содержания:

„Не покидайте Женевы и ждите письма“.

Телеграмма была без подписи, но имела слишком повелительный характер, чтобы не заставить призадуматься. На другой день,—рассказывает Рошфор,—я получил длинный мемуар, в котором мне описывали положение молодой нигилистки Веры Засулич, только что сделавшей в Петербурге два выстрела из револьвера в генерала Трепова, начальника русской полиции, о котором было известно, что он применяет к арестованным русским революционерам те же приемы воздействия, какие применялись в Новой Каледонии к каторжникам Коммуны.

Находившийся в заключении студент Боголюбов был, по приказу этого Трепова, подвергнут наказанию розгами самым ужасным образом,—за то, что он слишком небрежно приветствовал этого истязателя во время посещения им Петропавловской крепости.

Рассказ об этом наказании взволновал почти до бреда бесстрашную Веру Засулич, которая сама в это время выходила из тюрьмы, где она в течение двух лет оставалась на хлебе и на воде, причем никто даже не сообщил ей о том, какое преступление или деяние вменяется ей в вину.

По прошествии двух лет, ее выбросили из тюрьмы так же, как и бросили в тюрьму, без объяснений и извинений. И, вот, она солидаризировалась с подвергнутым истязанию Боголюбовым, которого она знала лишь по имени, и решила отомстить за него, так как сам он не мог этого сделать.

В России, как в былое время у восточных народов, высшие чиновники принимают просителей на публичных аудиенциях. Вера Засулич заявила, что она хочет подать прошение Трепову, и, воспользовавшись минутой, когда начальник полиции читал поданную ею бумагу, послала ему две пули, одна из которых ранила его тяжело в живот.

Она ждала, что ее повесят после комедии суда, — так рассказывала мне она сама, но мало беспокоилась об этом. Для нее было важно лишь раскрыть перед общественным мнением тайны русских темниц. На суде присяжных перед публикою, составленною почти исключительно из чиновников, и перед подобранным нарочно составом присяжных, она с таким огнем и красноречием рассказала о мучениях, которые она перенесла сама и которых ей пришлось быть свидетельницей; невольно она придавала такую яркость описанию бесчисленных крестных путей, которые пришлось пройти ей и многим ее политическим друзьям, что вся зала разразилась слезами.

Отвратительная физиономия кнутабойцы Трепова (knouteur Trepoff) также говорила в пользу героини, которая, при всеобщем энтузиазме, была оправдана присяжными почти без совещания.

Но Александр II, в качестве самодержца, имел все права, включая и право аннулировать вердикт присяжных, что он и не преминул сделать. Предвидя эту развязку, друзья Веры поспешили увезти ее сейчас же после произнесения приговора и посадить в экипаж, который доставил ее в надежный дом, где она должна была ждать событий под охраной защитников, верных до смерти.

Полиция организовала, в поисках за нею, бесполезные облавы по всему городу, но ее телохранители воспользовались ночным поездом, чтобы отправить ее по направлению к Германии в вагоне *четвертого*¹⁾ класса, где она сидела среди крестьян, сама одетая крестьянкой.

Легенда сейчас же овладела этим необыкновенным приключением; возникли слухи, что лицо, которое дало ей приют, было не кто иной, как великий князь Николай, брат Александра II, которому, как говорили, он составлял глухую оппозицию, следуя обычной традиции младших линий.

Молва доходила до утверждения, будто он снабдил Веру рыжим париком и поместил ее в вагоне первого класса, переодетую баринном. Эта басня настолько была принята с доверием, что все полицейские обыски направлялись на тех путешественниц, которые ехали с наибольшим комфортом.

Однако, недалеко от границы, она чуть-чуть не лишилась плода стольких ухищрений и усилий. Она чувствовала себя умирающей с голоду и сошла на одной из станций, чтобы купить хлеба; но поезд передвинулся, и она не могла отыскать своего вагона. Локомотив свистел. Она была вынуждена обратиться к служащему, который грубо ответил ей: „Тем хуже для вас! Поезд отходит. Вы можете ехать с следующим поездом“.

Тогда она бросилась в первый попавшийся вагон и прибыла без дальнейших осложнений в Берлин.

Оттуда ее спутники и послали мне свою депешу, потому что русское правительство предъявило требование о выдаче ее, и нет

¹⁾ Курсив автора.

никакого сомнения, что хотя Вера и была оправдана судом, но старый Вильгельм выдал бы ее России.

В письме, которое я получил в Женеве, меня спрашивали, могу ли я гарантировать безопасность беглянки и займусь ли ею. В виде ответа я просто телеграфировал по условному адресу одно слово:

— „Приезжайте.“

Я решил взять ее к себе и приютить ее у себя в течение необходимого времени, — частное жилище в Швейцарии неприкосновенно. Однако, раньше, чем предпринять какой-либо скоропалительный шаг, я решил посвятить в дело г. Эритьэ, кантонального депутата, заведывавшего департаментом внутренних дел; я знал, что могу рассчитывать на его лояльность.

В девять часов вечера я отправился к нему, в его маленький домик. Мы сошли в сад, и я раскрыл ему тайну.

— А теперь, — прибавил я, — если русский консул в Женеве потребует выдачи, что вы ответите ему?

— Я отвечу, что в книге, где записываются приезжие иностранцы, не значится никакой особы, носящей имя Веры Засулич, — сказал мне Эритьэ. — Поэтому, как только ваша протестация придет, попросите ее переменить имя.

Вера прибыла в Женеву на другой день, и я был чрезвычайно изумлен, когда передо мной предстала маленькая молодая девица с черными волосами, в косу ниспадающими на спину. Ей уже было двадцать пять лет, — заявила она мне. Но на вид ей нельзя было дать и восемнадцати.

Можно было находить не очень гармоничным ее немножко калмыцкое лицо, но ее голос и взгляд были так приятны, ее манера держаться так скромна и так сдержанна, что она меня живо заинтересовала. Я сейчас же увидел в ней мыслителя (*la méditative*), который не изливается в революционных криках, а в тишине обдумывает свои решения, наедине с собою и с своей совестью.

Мы отправились вместе устраивать ее в комнате, где она записалась под именем г-жи Студенецкой, студентки. Несмотря на мои неоднократные вопросы, она осталась очень сдержанной в изложении подробностей того, что она сама называла своим „преступлением“, и я не мог удержаться от смеха, когда она отвечала мне самым естественным тоном:

— Когда я решилась совершить мое преступление...

Русские эмигранты до того остерегались возможных доносов, что скрывали от своих лучших друзей свои адреса и места, где они собирались. Даже мне, который только-что оказал им требуемую услугу, они пожимали неожиданно руку, говоря „до свидания“, и исчезали темными улицами, оборачиваясь, чтобы удостовериться, что никто не следует за ними.

Эту привычку не доверять они усвоили, потому что жизнь их была постоянной игрой в прятки. Вере Засулич, следовательно, нечего было бояться их нескромности; я же, из боязни привлечь к ней внимание агентов русского консульства, воздержался от личных визитов к ней.

Однако, немного надо было для того, чтобы все эти предосторожности оказались ни к чему. На другой же день по приезде Веры Засулич, наш друг Разуа ¹⁾ умер внезапно от мозговой судороги, и

¹⁾ Один из офицеров коммуны.

мы повели юную русскую социалистку на похороны французского социалиста. Но один из сотрудников газеты „Petit Lyonnais“ прибыл в Женеву, чтобы написать отчет о погребении старого солдата коммуны, и мы представили ему вновь прибывшую, побег которой занимал в этот момент европейское общественное мнение.

Несмотря на все свои обещания хранит абсолютный секрет, этот неистовый репортер, едва вернувшись в Лион, поспешил угодить своему редактору, рассказав со всевозможными прикрасами и о своем знакомстве с знаменитой нигилисткой и о всех мелочах, случившихся за завтраком, который мы разделили вместе, перед тем, как присоединиться к похоронному кортежу.

Это разоблачение нас тем более удручило, что русский консул был взволнован им до такой степени, что потребовал объяснений от женевского правительства. Тогда я сейчас же принес в жертву себя. Я сам составил для опубликования в самых враждебных нам газетах заметку такого рода:

„Этот бедный Рошфор решительно сделался величайшим из проstackов. Вся Женева потешается над приключением, смешною жертвою которого он только что стал. Какая-то интриганка, приехавшая неизвестно откуда, явилась к нему под именем пресловутой Веры Засулич, недавно оправданной судом, но снова разыскиваемой царской полицией, за то, что она дважды стреляла в генерала Трепова. Рошфор и его друзья с энтузиазмом приняли эту лже-героиню. Ей дали приют, ей устраивали обеды, для нее организовали подписку, плоды которой la prétendue justicière прикарманила без зазрения совести. А затем, когда смелое мошенничество было уже почти раскрыто, особа исчезла, не оставив адреса и унеся с собой le magot.“

Что же касается настоящей Веры Засулич, то нам сообщают, что она только что арестована в тот момент, когда переходила из России в Германию. В настоящее время она заключена в крепость на русской границе и вскоре будет отправлена обратно в Петербург, где снова будет предана суду.

„Alas! Alas! Poor Rochefort!“

Газетки лагеря Мак-Магона много потешались по поводу этого quiproquo qui les défraya huit jours à mes dépens. В итоге, Вера смогла продолжать жить в Женеве, ибо — опасность выдачи была устранена“.

II.

О народовольцах.

В главе XXVI-ой 4-го тома Рошфор описывает похороны Бланки и затем переходит к характеристике русских террористов-народовольцев.

„Полятиканы, покинувшие народ, охотно утверждают, что народ неблагодарен. Но люди лояльные, которые всегда верно служили ему, знают хорошо, до чего доходит его признательность. Сто пятьдесят тысяч французов, которые сопровождали Бланки в его последнюю темницу, своим присутствием ярко подтверждали это. Эта большая и великолепная манифестация была в одно и то же время и утешением, и угрозой. Утешением для тех, кто грезил ее уничтожить.“

Однако, так как умеренные всегда должны иметь повод трепетать, страх, который внушал Бланки, уступил вдруг место безумному страху нигилизма. Покушение, от которого умер Александр II, в тот

самый момент, когда русские революционеры, казалось, были обезоружены, было ударом грома среди сравнительно ясного неба. Уже в течение нескольких недель перед этим я ждал катастрофы, о которой предупреждали меня русские эмигранты из Женевы, не осведомляя меня точно относительно того, каким образом она произойдет.

Незадолго до амнистии коммунаров ко мне явилась очаровательная русская молодая девушка, — ей было девятнадцать лет, и ее приключения были точно взяты из романа. Это бедное дитя за принадлежность к тайному обществу было арестовано в Петербурге, где ее отец был генералом при императорском штабе.

Заключенная в Петропавловскую крепость, в подземную камеру, которую Нева затопляла во время наводнений, она была поражена нервной болезнью, вызванной перенесенными ею страданиями и, в особенности, криками арестантов, которых ежедневно били кнутом или розгами. Будучи в этом ужасном состоянии, она узнала о болезни, а потом об агонии своего отца, который хотел обнять своего ребенка перед смертью. Благодаря высокому положению, которое занимал умирающий, эта исключительная милость была предоставлена ей. Извлеченная из тюрьмы, девушка была отведена двумя стражниками к изголовью своего отца, но после первого поцелуя она выбежала на лестницу, заперев за собой дверь комнаты, где остались ее надсмотрщики, и скрылась через другой выход.

Поиграв довольно долго в прятки с полицией, красивая нигилистка прибыла в Женеву, где она опять нашла способ работать для своей партии. Ее мать, столь же преданная делу, как и она, истратила половину своего богатства на содействие побегам революционеров, посланных в Сибирь, и вот, как ей удалось спасти целые сотни их:

Что всегда отнимало всякую надежду на успех их попыток бежать, — это были с одной стороны огромность пространств, которые приходилось преодолеть, чтобы добраться до границы, с другой стороны недостаток средств, которыми располагали беглецы для путешествия в полторы тысячи лье.

И, вот, мать и дочь придумали снять в аренду или купить участки земли на дороге из Тобольска в Петербург; на этих участках они распорядились выстроить, на расстоянии каждого перехода, хижины, — в них поселились бедные земледельцы, которые ни у кого не могли вызвать никаких подозрений.

Осужденные, будучи предупреждены обо всем этом, направлялись в эти убожища, где поддельные крестьяне принимали их и откуда они отправлялись дальше, отдохнув и подкрепившись, — так они могли добраться до большого города, в котором и затеривались, чтобы затем перебраться за границу.

Эта хитроумная выдумка имела успех в течение долгого времени. Затем, в виду многочисленности побегов, русское правительство столь деятельно искало причину, что в конце концов открыло и упразднило благодетельные пристанища.

Однако, молодая девушка, которая доверилась мне и которую я после того видал два или три раза в Париже, сохраняла попрежнему связи с своими собратьями по оружию и дала мне понять, что готовится большое событие. После безрезультатных попыток в Зимнем Дворце и на Московской железной дороге, я естественно подозревал, что дело идет о близкой смерти Александра II. Однажды я обедал у г-жи Дориан, достойной вдовы бывшего министра национальной обо-

роны, и в тот момент, когда уже садились за стол, слуга подошел ко мне и сказал, что одно лицо ожидает меня в прихожей, желая сказать мне нечто очень важное и очень спешное.

Я настолько предчувствовал покушение, что сказал Эдуарду Локруа, который, конечно, помнит это:

— Я уверен, что дело идет о каком-нибудь предприятии, направленном против царя.

Посетитель был русский, который забежал ко мне, чтобы сообщить новость, и, узнав, где я обедаю, помчался туда. Когда я вернулся в столовую, я сказал своим сотоварищам по столу:

— Как видите, я не ошибался: Александр II только-что убит.

На другой день я получил шжеследующее письмо, которое появилось в „Intransigeant“ и подтвердило все мои предвидения:

Женева, 14 марта 1881 г.

Дорогой г. Рощфор,

посылаю вам наспех некоторые сведения с пассажиром скорого поезда, который вручит вам их сегодня, у вас, в редакции.

Секретное заявление революционного нигилистического комитета было доставлено Александру II 3-го марта. Обращение, за коллективной подписью *исполнительного комитета*, предлагало тирану или дать русскому народу свободу, которой они требуют столь справедливо и столь долго, или же опасаться всего.

Император ответил новыми проскрипциями.

После попыток в Москве и в Зимнем дворце, вся Европа думала, что наша несчастная партия навсегда побеждена.

Неудача заговора в Зимнем дворце имела своим последствием конфискацию 400.000 франков, которые были переданы нигилистами на хранение нашему другу С..., служащему дворца,—у него был сделан полицией обыск.

Между прочим, так и не узнали, что случилось с этой суммой,—ни в одном из протоколов нет никакого упоминания о ней, и, без сомнения, полицейские присвоили ее себе.

Революционеры должны были восстановить свою кассу. Это и дало возможность думать о временном затишье в их работе. Но вы видите, что если они дремали, то лишь на один глаз.

Вопреки тому, что утверждали газеты, нигилисты никогда не переставали делать царю категорические предостережения.

Видя, что за этими предостережениями не следует немедленных покушений, царь снова успокоился.

Бомбы фабриковались вовсе не в Лондоне, как это утверждают, а в самом Петербурге. Подобно тому, как это было с Верой Засулич, о которой ее друзья нарочно распространяли слух, что она арестована для того, чтобы затруднить ее действительный арест, исполнительный комитет усиленно распространял слух о том, что взрывчатые снаряды яко бы фабрикуются в Лондоне, в квартире Хаммерсмис.

В связи с этим, в феврале, русская полиция, насторожившись, заарестовала в таможне ящик с изделиями из железа и чугуна, среди которых были между прочим haltères, предназначенные для какой-то гимнастической школы.

В это время работа заканчивалась в самом сердце Петербурга.

Я не могу сказать вам ничего больше,—добавлю только, что бомбы снаряжались женщинами.

Я читал в газетах, что арестованный молодой человек носит имя Рысакова; нигилисты не имеют этого имени в списках своих сторонников.

Д.....“

В самом деле, вдохновительницей и подготовительницей заговора была необыкновенная женщина, Софья Перовская, которая в возрасте двадцати шести лет принимала уже деятельное участие во всех конспиративных предприятиях, организованных в целях эмансипации русского народа.

Софья, которую нигилисты называли „Софией великой“, подобно тому, как сторонники императорской власти говорили о „Екатерине Великой“, стала учительницей и воспитательницей, разделяя пищу с слугами и мужиками, к которым она внушала идеи свободы, и обращая в свою идейную веру учеников, которых ей поручали для обучения.

Оливье Пэн¹⁾ и я поехали, не долго думая, в Женеву, чтобы там собрать из уст самих заговорщиков все сведения об этом устрашающем событии.

Мы нашли русских революционеров в состоянии такого сумасшедшего возбуждения, что они были, казалось, вне себя. Во всяком случае, они были не у себя дома, куда они не возвращались уже в течение трех дней, празднуя par une sorte de Kermesse то, что они называли своим торжеством. В это время франко-русский союз, возникновению которого я старался содействовать больше, чем кто-либо другой, был еще в состоянии мечты, и французские республиканцы видели в русском правительстве, самодержавно представляемом царем, лишь преобладание силы над правом и деспотизм одного, палящий над волей всех.

Убийство Александра II, который без видимых оснований и даже без всякого добросовестного или злого объяснения мотивов брошен в тюрьму и держал в ней два года юную Веру Засулич, было повсюду принято, как ответ насилем на насилие. Я формулировал это мнение в своей статье в „Intransigeant“. Статью эту я озаглавил: „Реванш нигилистов“ (La Revanche des nihilistes). В ней я говорил:

„Однако в предостережениях не было недостатка. Сперва Трепов, потом Мезенцов, потом Кропоткин (кузен лондонского эмигранта, убитый в Харькове) пробили час напоминания царю. Он не услышал предсмертного барабана и продолжал обезлюживать города, чтобы населять рудники и каторгу.

Бомба Орсини, которая остановит это обезлюжение, сделала для России то, что стрела Вильгельма Телля сделала для Швейцарии, то, что эшафот Карла I сделал для Англии и что эшафот Людовика XVI сделал для нас. Свобода всех народов процветала на крови угнетателей“.

Русское правительство взволновалось и потребовало судебного преследования против меня и нескольких других журналистов, на что французское правительство согласилось без колебаний. Судебное преследование было довольно неловким шагом, в том смысле, что оно давало обвиняемым превосходный случай заклеймить деспотизм, который иногда приходится терпеть и выносить, но который ни в каком случае не может быть защищаем.

¹⁾ Коммунар, товарищ Рошфора по ссылке в Новую Каледонию и по побегу оттуда.

Всего несколько месяцев, как я вернулся во Францию, в объятия народа, и третий раз уже привлекался к суду. Обвинение гласило: „Восхваление деяний, квалифицируемых как преступления“, на что я возражал, что ссылка двадцати тысяч человек в Сибирь, которые были сосланы туда без суда, по чистому произволу, неспоримо составляет преступление, и все-таки прокурор не сажает на скамью подсудимых тех, кто ежедневно восхваляет это преступление.

Однако, несмотря на ужасные результаты покушения, заговорщики и заговорщицы, отважившиеся на него, обнаружили столько неустрашимости в пожертвовании собственной жизнью, которую они отдали без сетований и сожалений, что мои судьи не решились проявить страстность, которую,—это было слиш.ком очевидно,—не одобрило бы общественное мнение.

Что касается меня лично, то я был как раз в новом расцвете своей популярности, и было бы опасно строго покарать меня. Поэтому председатель суда Грессье, перед которым я уже более или менее появлялся в эпоху Империи, притворился, что он до известной степени принимает мою систему защиты, которая для предвзятого человека была системой нападения на прокуратуру.

— Вы автор статьи, озаглавленной „Реванш нигилистов“, сказал мне председатель. Эта статья появилась в номере „Intransigeant“, 15 марта.

Я ответил:

— Я всегда беру на себя ответственность за то, что пишу. Но я удивлен, что меня судят за проступок, заключающийся в цитированной статье. Надо быть все-таки несколько логичным. Меня судят раньше, чем русская юстиция произнесла свое решение. Париж старается обогнать С.-Петербург. Кто доказал, что царь умер не от апоплексического удара или не от куска кирпича, свалившегося ему на голову с крыши? Людей иногда арестуют по подозрению в покушении, но всякий обвиняемый считается до приговора невиновным и мне кажется, что следовало бы по меньшей мере подождать, пока тамошний суд определит судьбу Рысакова и его так называемых соучастников.

Вдобавок есть и прецедент: Вера Засулич была оправдана русским судом присяжных. Стали бы меня судить и приговаривать к наказанию, если бы мне захотелось восхвалить деяние мужественной девушки, на другой день после его совершения, или хотя бы просто дать ему надлежащую оценку? В сущности, сегодня чрезвычайно поспешили.

Я констатировал, что некоторые нигилисты хорошо себя чувствуют по поводу смерти царя, точно так же, как иногда родственники хорошо себя чувствуют, когда видят смерть тех, кому они должны наследовать; но радоваться исчезновению человека еще не значит восхвалять деяния, квалифицируемые, как преступления, в особенности, когда причины смерти данного лица юридически еще не установлены“.

В сущности моя аргументация страдала недостатком основательности, ибо каждое утро я доставлял читателям „Intransigeant“ новые детали, которые я получал от революционеров-эмигрантов в Женеве и, в частности, от очаровательной девушки, бежавшей из Петропавловской крепости.

Эти конфиденциальные сообщения позволили мне даже опровергнуть некоторые легенды относительно организации русского ре-

волюционного общества, которое действовало в эту эпоху агитации и террора. Это не было, как утверждали, что-то вроде „карбонариев“ с общими собраниями, благодаря которым так облегчаются доносы и шпионаж. Общество это состояло из молодых людей, готовых на смерть, и мы видели, как они умирали. Они являлись в комитет и заявляли о своем желании поступить на ту или иную работу или заняться тем или иным определенным предприятием.

В Московском покушении, где дело заключалось в том, чтобы взорвать рельсы и вызвать крушение императорского поезда, участников было пятнадцать.

Во взрыве в Зимнем дворце их было восемнадцать.

В убийстве Мезенцова участвовало трое. Решение предать смерти Александра II было принято лишь после того, как Исполнительный Комитет увидел, что в его распоряжение предоставляет себя большее количество рук, чем нужно, и что неудача первого покушения не помешает успеху покушений следующих.

В первое время возникновения нигилистического общества, люди, на которых возлагалось исполнение приговора, назначались по жребию. Все возраставшее число добровольцев, — добровольцев смерти, — позволило уничтожить этот обязательный характер исполнения.

Когда покушение окончательно решено настолько, что назначена дата, выбирают молодых людей, пригодных для фабрикации снарядов, и женщин, на ловкость которых можно рассчитывать при опасных манипуляциях с нитроглицерином.

Пяты все заговорщики и предлагали себя для метания бомб. Из них выбрали пятерых, но их могло бы быть и тридцать, если бы комитет не опасался, что присутствие, при проезде императора, такого количества молодых людей, большинство коих были более или менее под наблюдением полиции, не испугнуло последнюю.

Рысаков, который был неизвестен до покушения, примкнул к сообществу, повидимому, всего за несколько дней перед тем; это внушало сомнения в серьезности его участия в метании бомб.

Я отделался от своего нового процесса тысячью франков штрафа, — цена довольно мягкая сравнительно с значительностью и стоимостью товара.“